

Павел Шмидт

Хроники Ионы Шекета

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ВСЕЛЕННАЯ
ИОНЫ ШЕКЕТА

Книга 6

Хроники Ионы Шекета

Павел Амнуэль

**Литературная
Вселенная Ионы Шекета**

«Остеон-Групп»

Амнуэль П. Р.

Литературная Вселенная Ионы Шекета / П. Р. Амнуэль —
«Остеон-Групп» , — (Хроники Ионы Шекета)

ISBN 978-5-85689-208-5

И снова он! Прямой потомок барона Мюнхгаузена, внучатый племянник Иона Тихого, наследник «Доктора Кто» (от морганатического брака) и просто герой всех времен и народов, где он только умудрился перебыть за всю свою безгранично-бесконечную жизнь – встречайте! – Иона Шекет! Перед вами сборник отличных, остросюжетных и действительно интересных рассказов, публиковавшихся в разные годы в периодической печати Израиля. Все эти произведения вышли из-под пера признанного мастера пера, известного в России преимущественно в жанре фантастики. «Странные приключения Ионы Шекета» – патрульного времени, галактического путешественника, выпускника загадочного Оккультного университета, несостоявшегося межпланетного дипломата – и, наконец, просто хорошего человека! Читайте о приключениях научно-фантастического, эзотерического, фэнтезийного и откровенно иронического порядка! Самая забавная, озорная и точная пародия на «Звездные дневники Ийона Тихого», какая только может быть! Он разруливает проблемы Жанны д'Арк – и дворцовые интриги Атлантиды... Пред вами предстанут все прелести галактической политики – и забытые страницы звездных войн... Вас ждут похождения в мире духов – и в мирах «альтернативной истории»! В общем, всё это – неопишимо, но раз уж написано, то – стоило бы почитать.

ISBN 978-5-85689-208-5

© Амнуэль П. Р.
© «Остеон-Групп»

Содержание

Часть шестая	7
Мой первый роман	7
Преступление или наказание?	10
Страсть и трагедия Ханы Каренн	13
Царь и три его чада	16
Вечерние сладости	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Песах Амнуэль

Литературная Вселенная Ионы Шекета

© Песах (Павел) Амнуэль, 2014.

© Издательство «Млечный Путь», 2014.

* * *

Часть шестая

Литературная Вселенная Ионы Шекета

Мой первый роман

Собираясь на встречу с поклонниками, я получил по электронной почте экземпляр своей книги «Война и Вселенная» – романа, написанного мной в промежутках между лекциями в Оккультном университете. Это был первый мой опыт в области художественного слова. «Войну и Вселенную» я сочинял в пику своему тогдашнему приятелю Оксиду Галлахенбогеру, заявившему как-то: «Иона, ты, конечно, человек по-своему способный, но литературного дара у тебя нет абсолютно. В этом смысле ты – нуль по Кельвину».

Я был горяч, нетерпелив и сказал в ответ: «Вот как? погоди же!». «Войну и Вселенную» я сочинил в течение второго и третьего семестров, сдавая попутно экзамены по оккультной медицине и вызыванию неперсонифицированных духов.

«Войну и Вселенную» можно найти во всех издательских системах галактического книжного поиска, и каждый читатель волен по-своему распорядиться моей интеллектуальной собственностью: распечатать книгу по старинке и поставить на полку, ввести в мозг и усвоить, как усваивают таблицу умножения, или войти в книгу лично и поучаствовать в перипетиях ее сюжета в качестве главного или второстепенного героя – это уж у кого какие претензии.

Тем же, кто не хочет терять время на усвоение романа, я коротко расскажу, в чем там дело – может, пересказ пробудит ваше любопытство, и вы все-таки приобретете файл, благо он не так уж и дорог, не дороже порции метанового мороженого «Юпитер».

Итак, действие происходит на планете Русик – это большой по размерам и богатый полезными ископаемыми мир, жители которого воображают о себе достаточно, чтобы не допускать на свою планету завоевателей из других звездных систем. Противниками русиканцев по сюжету являются фрашки, живущие в расположенной неподалеку одноименной звездной системе, – народ умный, но с придурью: фрашки то и дело совершают налеты на соседние системы, регулярно получают по зубам, однако налетают после этого с новыми силами. Русиканцы терпеть не могут фрашковых, что очевидно. Но даже мне, автору, непонятно было, почему, ненавидя фрашковых, русиканцы пользуются, тем не менее, в частных разговорах фрашканским языком, обожают фрашканскую кухню и для чад своих нанимают фрашканских воспитателей, прививающих русиканским детям фрашканские манеры.

Вы, конечно, спросите: если автору это непонятно, отчего он все это описал в своем сочинении? Так я вам отвечу: если бы автор понимал то, что описывает, разве стал бы он вообще заниматься сочинительством? Очевидно, нет – все, что и так понятно, не имеет смысла пересказывать окружающим.

Так вот, фрашканский военачальник Партобонус Первый не понимает, как и автор: почему русиканцы по-фрашкански говорят с удовольствием, а подчиняться законам Фрашки не желают ни под каким видом? Непорядок. Партобонус собирает флотилию (сто семнадцать звездолетов большого тоннажа и около тысячи субсветовых канонерок) и вторгается в пределы системы Русика с намерением изменить параметры главного светила.

«Да вы что? – говорят смертельно оскорбленные русиканцы. – Нам нравится спектр нашего любимого Солнца, особенно красная и синяя линии железа, расположенные совсем не так, как в спектре фрашканского светила. И мы не позволим инопланетному воинству переставлять нам линии с места на место!»

Главный военный эксперт русиканцев астролиссимус Куттуз по прозвищу Повязка на требование населения дать отпор агрессору, отвечает: «Ах, оставьте! Вы что, фрашканцев не знаете? Да их звездолеты на наших орбитах и года не выдержат – расплавятся. Терпение, господа, и все будет хорошо!»

Вы видели где-нибудь народ, имеющий терпение? Наплевав на предостережения астролиссимуса, русиканцы собирают ополчение (двадцать три межзвездных велосипеда, можете себе представить!) и ка-а-ак ударят по агрессору... Бой происходит в районе Бородкинской гравитационной аномалии, и это вовсе не моя литературная выдумка – такая аномалия действительно существует в трех миллипарсеках от орбиты Плутона. Астролиссимус, который все же является патриотом, хотя и мудрым парнем, встает во главе импровизированной армии, и только этим можно объяснить, почему фрашки терпят в Бородкинском сражении унижительное для их самолюбия поражение. Двадцать три фотонных велосипеда против более чем сотни крейсеров – это ж надо!

Обалдевшие фрашки собираются было устроить русиканцам сатисфакцию, но мудрый, хотя и патриотичный, Куттуз по прозвищу Повязка неожиданно для всех изрекает: «Да я что? Я ничего. Я только сказать хотел, что можете пролетать, господа фрашки, наше светило – ваше светило, и вообще»...

Русиканцы даже не успевают повесить сошедшего с ума астролиссимуса на первой же комете – фрашки занимают все разрешенные орбиты вокруг русиканского солнца, да и запрещенными орбитами тоже не брезгают. И только тогда (это кульминационная сцена романа!) русиканцы понимают гениальность того, кого они уже успели смешать с навозной грязью. Говорил же Куттуз: «Их звездолеты на наших орбитах и года не выдержат – расплавятся». Кто его тогда слушал? Никто. Но именно так и происходит. Фрашки даже победу свою толком отпраздновать не успевают: наступает русиканское звездное лето, температура на близких орбитах, где расположил свой флот командующий Партобонус, достигает точки кипения ванадия, и тут в полную силу дает себя знать пословица: «Что русиканцу здорово, то фрашке смерть».

Когда, вернувшись на Фрашку, военачальник Партобонус подсчитывает потери, выясняется, что он мог бы их не считать: из адского горнила спаслись только флагманский крейсер да какой-то случайный катер, на борту которого почему-то (почему-то! Волей автора, естественно) оказалась любовница Партонобуса баронесса Помпа по прозвищу Дура.

Разумеется, на фоне этой эпической панорамы, написанной, как говорят критики, широкими мазками, я изобразил лирическую историю жизни и любви простой русиканской девушки Нетленки Растуцкой. Как раз в те дни, когда Партобонус собирал свои звездолеты на линии старта и давал гениальные указания, Нетленка Растуцкая танцевала на своем первом в жизни балу, где и познакомилась с отважным воякой и нежным любовником Андром Лоджием. Разумеется, я мог бы описать любовь и с первого взгляда, но решил не жертвовать жизненной правдой ради красного словца. Каждый романист знает, что с первого взгляда можно увидеть лишь общие контуры будущего объекта любви. Второй взгляд позволяет рассмотреть, во что данный объект одет, и лишь третий, более внимательный взгляд приводит к любовной вспышке.

Как бы то ни было, но с бала Нетленка и Андр уходят вдвоем. Впрочем, счастье их продолжается ровно столько времени, сколько требуется Партонобусу, чтобы пересечь на своем флагмане звездную систему Русики.

– Прощай, дорогая! – восклицает Андр. – Труба зовет, маршевые двигатели включены, я должен быть в первых рядах защитников Отечества!

– Ах, мой Андр! – ломая руки (разумеется, понарошку, Нетленка вовсе не собирается после отъезда любимого ходить в гипсе), восклицает девушка. – Возвращайся с победой!

Если бы Андр сказал Нетленке «до свиданья», он еще мог бы выжить, но его угораздило сказать «прощай», а это дело серьезное. После этой фразы я просто не мог оставить Андре Лод-

жия в живых. Разумеется, его сразил луч лазера, когда, стоя у главного экрана своего фотонного велосипеда, Лоджий отдавал распоряжения штурману атаковать вражеский флагман.

Самой сильной лирической сценой в романе я считаю момент прощания бедной влюбленной Нетленки с умирающим графом Лоджием, так и не успевшим сделать свою невесту матерью. Пересказывать эту сцену я не собираюсь – желающие могут прочитать «Войну и Вселенную», заказав файл в любой общемировой поисковой системе.

Кстати, если вас интересует, как сложилась жизнь Нетленки Растуцкой после смерти любимого человека, могу сказать сразу: хорошо сложилась. Это только в плохих романах женщины, теряя жениха или мужа, ломают себе руки (впрочем, даже в плохих романах они делают это понарошку) и уходят в монастырь. В хороших романах они, как в жизни, выходят замуж за другого мужчину. Так поступает и моя героиня Нетленка – супругом ее становится ничего в воинской службе не смыслящий Пэрр Безногов. Честно признаюсь, одно время я раздумывал: не выдать ли героиню за истинного героя – астролиссимуса Куттуза. С точки зрения завершенности конструкции романа это был бы идеальный вариант. Но я так и не смог вообразить себе юную девицу в объятиях старого греховодника, пусть и героя.

По-моему, у меня получился хороший роман. Настолько хороший, что даже я сам читаю некоторые страницы не без удовольствия. К примеру, мне удалось описание сражения, в котором некий Курон, командующий эскадрилей пограничных фотонных велосипедов, сдерживает до прихода главных сил атаку фрашканского гиперструйного крейсера. Погибают все, а это не каждому автору удастся, обычно очень хочется оставить кого-нибудь в живых, чтобы вернуться к этому персонажу на следующих страницах. Но я преодолел этот искуc, чем и горжусь. Всех так всех!

В одной рецензии я прочитал: «Иона Шекет в своем романе «Война и Вселенная» дал правдивую картину всех сторон жизни русиканского общества времен Великой Патриотической войны». И это верно. Непонятно только, как можно было описать правдивую картину жизни никогда не существовавшей цивилизации.

Или критики не читали «Историю Галактики», где о Русике нет ни одного слова?

Преступление или наказание?

Однажды, сидя в любимом кресле и глядя на трещину в потолке, я набрел на сюжет, о котором не мог не подумать: «Вот чепуха на постном масле!» Сюжет оказался настолько не стоящим внимания, что я просто не смог себя заставить от него отказаться.

Не подумайте, что я придумываю парадоксы. На собственном писательском опыте я убедился – если в голову приходит замечательная идея нового произведения, ты начинаешь думать над ней, и процесс этот оказывается чаще всего самодостаточным. Когда все до конца продумываешь, то уже и сил нет записывать текст в память компьютера. А вот с простенькими и даже глупыми сюжетами все обстоит совершенно противоположным образом. Тратить мыслительную энергию на обдумывание не приходится, и вся она уходит на реализацию.

Такой простенькой идеей и оказалась та, о которой, как я уже упоминал выше, мне подумалось: «Вот чепуха на постном масле!» Так родился роман, который я назвал «Убийство и суд», и если вы думаете, что речь идет о детективном произведении, то вы не ошибаетесь.

Все тривиально до неприличия. У студента Расколли нет денег для оплаты учебы в Галактическом университете трансцивилизационных наук. Чтобы завершить уже начатый курс дихотомического мутационного запинга, мой герой обращается к своей соседке – старушке, имеющей счет в банке «Галактономикон». «Верну, как только представится возможность», – заверяет студент с намерением выполнить обещанное.

А потом, как и положено в подобных банальных сюжетах, сессию студент благополучно заваливает, в подработке на верфях субсветовиков ему отказывают, иной работы, на которой можно было бы получить столько денег, чтобы расплатиться со злой старухой, Расколли тоже не находит. Тут читатель наверняка пожимает плечами и думает: «В наше время! Не найти возможности заработать! Глупости какие!» Так вот я и говорю: беспредельно глупый сюжет, но именно поэтому я и не мог от него избавиться, пока не изложил своему терпеливому компьютеру.

Итак, у студента нет денег, чтобы расплатиться, а старуха говорит: «Или ты платишь сегодня, или я завтра заказываю в Метеослужбе фигурные облака в форме твоего имени, и тогда каждый живущий в районе Средиземноморского бассейна своими глазами увидит, как необязательны современные молодые люди».

Будучи на месте героя этого сюжета, лично я только пожал бы плечами – мало ли какой формы облака проплывают ежедневно над нашими головами, большая часть населения не интересуется этой формой эпистолярной деятельности отдельных заказчиков. Но я ведь был не героем произведения, а его автором! Другая ментальность, знаете ли.

Как автор, я не мог допустить, чтобы мой герой равнодушно смотрел на проплывавшие в небе облака, утверждающие, что Расколли является злым неплательщиком. В душе студента происходит борьба. «Что важнее для мироздания? – размышляет он. – Мое доброе имя или жизнь злой старухи-процентщицы?» Промучившись ночь над проблемой и использовав для ее решения все наработки Фрейда, Юнга, маркиза де Сада, Захера Мазоха, а также современного психиатра Сергея Лукьяненко-Испанского, студент приходит к однозначному выводу и отправляется к своей соседке.

На следующий день пришедший к старухе очередной клиент находит бедняжку на пороге спальни в луже... Нет, не крови, конечно, но чистая вода в данном случае ничем не лучше. Приехавший по вызову патрульный офицер уголовной полиции определяет причину смерти: переохлаждение с удушением. Иными словами, некто приставил к затылку бабушки пистолет-морозильник и включил процесс. В течение одиннадцати секунд старушка оказалась замороженной в толще ледяного куба со стороны в два метра. Так наступила смерть, а потом вода,

конечно, начала таять, и через сутки, когда старушку обнаружил клиент, лед превратился в воду, большая часть которой успела вытечь через сток в ванной комнате.

Вот так. Я с самого начала сделал глупость – рассказал читателю, как мой главный герой, студент Расколли, решает свои материальные проблемы. Для детектива это недопустимо – о том, кто убил, читатель не должен догадываться до последнего абзаца, а лучше, если он и вовсе не поймет, в чем было дело. Поэтому мне пришлось делать вид, что пишу я на самом деле вовсе не детектив, а философскую притчу о сути убийства и искупления. Должно быть, я так переборщил, описывая душевные метания студента Расколли, что некоторые читатели решили: этот бедняга, постоянно занимающийся нравственным самоистязанием, не мог убить несчастную старушку. Он только думает, что он ее убил, потому что ее действительно нашли мертвой в луже воды. У него заговорила совесть, и он обвинил себя, хотя убил кто-то другой. Кто? Тут я опять сделал глупость – я ведь был в то время неопытным литератором и не знал, что героев в детективном романе должно быть строго ограниченное количество – желательно не больше пяти, чтобы читатель, пересчитывая подозреваемых в преступлении, мог это сделать, пользуясь пальцами одной руки.

Не зная этого золотого правила литературы, я ввел в роман столько действующих лиц, сколько мог одновременно удержать в памяти, не путая имен и профессий. А читатель, вообразив, что студента Расколли я ему подсунил лишь для того, чтобы запутать, до самой последней страницы пытался разобраться – так кто же, черт побери, пустил в расход старушку?

Когда над проблемой думает следователь уголовной полиции Дышкевич, это нормально – он-то первых глав не читал и о студенте не имел до поры до времени никакого представления. Но когда над той же проблемой раздумывает читатель, которому я все изложил открытым текстом, – это катастрофа. Читатель, видите ли, не верит автору, потому что не положено в детективе раскрывать карты на первой же странице. Но разве я раскрыл все карты? Я всего лишь описал, как студент собирает из частей, купленных в магазине, пистолет-холодильник, как звонит в дверь квартиры старушки-процентщицы, как поднимает оружие и активизирует процесс... Да, я описал это, потому что автор должен быть правдив, а герой его – этот несчастный студент – именно так все и видел собственными глазами. Но, господа, задайтесь вопросом: а не могло ли описанное на первых страницах романа быть всего лишь воспаленным бредом бедняги Расколли? Он хотел убить старушку, он думал, что сделал это, но было ли так НА САМОМ ДЕЛЕ?

Не знаете? То-то и оно. Поэтому не нужно обвинять автора в том, что он пренебрег правилами детектива и указал пальцем на убийцу в самом начале долгого и нудного повествования. Уверяю вас, даже я буквально до последней страницы этого опуса не представлял себе, кто же прикончил старушку. Студент всю душу себе вымотал (окружающих он, впрочем, тоже не пожалел), обвиняя себя в том, что он, возможно, сделал, а возможно – и нет. Следователь Дышкевич тоже не мог прийти к какому-то решению (не умнее же он собственного автора!). Остальные персонажи, на которых в той или иной степени на той или иной виртуальной странице падало подозрение, мучились из-за невозможности доказать свою невиновность – истинную или мнимую.

А ведь в романе нужно еще и действие. Преступник убегает, сыщик преследует, остальные смотрят и аплодируют. Вот и пришлось мне ради правдоподобия заставить Расколли улететь с Земли в систему Антокнируса – сбежал-то он, вообще говоря, от собственной невесты Софинды, с которой повздорил относительно даты бракосочетания. Но следователь Дышкевич, ясное дело, рассудил так: убежал – значит, виновен.

И начинается погоня. Тут я дал себе волю, описав на последних страницах романа собственные приключения в звездных мирах – автор ведь обязан опираться на жизненный опыт, иначе его произведения приобретут характер никчемного сочинительства!

Обнаружив, что размер романа начинает превосходить всякие разумные пределы (издатели обычно и говорить не хотят о публикации рукописей объемом больше двухсот мегабайт, а у меня уже было почти триста!), я заставил Расколи и Дышкевича встретиться друг с другом в корчме на большой дороге, ведущей из столицы Антокнируса Дажги в ее главную тюрьму.

Заканчивается роман диалогом, в котором сосредоточена, на мой взгляд, суть конфликта между преступлением и наказанием.

– Ты убил старушку и совершил преступление! – убеждает студента сыщик.

– Я наказал ее, потому что она была виновна, – возражает Расколи. – Арестовав меня, преступление совершит общество, ведь нельзя судить палача!

– Преступление предшествует наказанию, – говорит сыщик. – Сначала идет убийство, потом – тюрьма.

– Наказание также может предшествовать преступлению, – возражает студент, – не забывай о курице и яйце.

Каюсь: в те годы мне не давались финалы. Финалы вообще мало кому удаются – говорят, даже в Новом завете, очень популярной книге, финал провисает, поскольку логически не обоснован предшествующим сюжетом. Что ж было говорить обо мне, начинающем авторе?

Короче говоря, беседой сыщика со студентом я закончил роман и поставил точку. На самом деле это было жирное многоточие, потому что диалог остался незавершенным, студент – не арестованным, а сыщик – в полном недоумении относительно того, зачем он вообще понадобился автору, если тот сам для себя не решил, был Расколи убийцей или все-таки палачом? Наказал он или совершил преступление?

Страсть и трагедия Ханы Каренн

Третий мой роман, названный по имени главной героини «Хана Каренн», повествует о печальной судьбе аборигенки, обитающей на планете Облон в системе, которую с Земли не видно даже в телескопы, поскольку, как я полагаю, этой системы на самом деле не существует в природе.

Хана (знакомые звали ее уменьшительным именем Аннинушечка) лелеяла девичью мечту выйти замуж за принца, явившегося либо из туманности Конская голова, либо, на худой конец, с одной из планет Бетельгейзе. И не спрашивайте, почему Аннинушечке грезился принц именно из этих галактических задворков – то, о чем мечтают экзальтированные девицы, не способен понять никто, даже придумавший их автор.

Принц, однако не явился (да и как он мог это сделать, если в системах Конской головы и Бетельгейзе к тому времени еще не существовало межзвездных коммуникаций даже на уровне никому не нужного радио?), и Хану выдали замуж за старого, но богатого и знатного аборигена по имени Паша Каренн – вот откуда, кстати, у моей героини появилась фамилия, которую она называла всякому, кто желал познакомиться с этой импозантной, знавшей себе цену дамой.

Я долго размышлял над тем, нужны ли в романе эротические сцены. Читатель любит эротику – это понятно. Мой компьютер, не при нем будь сказано, любит эротику еще больше, хотя, ясное дело, не способен лично испытать ни единой эмоции, связанной с этой стороной человеческого существования. Эротика для моего компьютера – способ повышения покупательной способности создаваемого нами товара.

Возникло затруднение. С одной стороны, роман без эротики не будет иметь успеха на рынке. С другой стороны – какая, к черту, эротика на планете Облон, где детей никто не хотел рожать даже в пробирке! Паша Каренн женился на Аннинушечке (Хане) вовсе не для того, чтобы создавать молодое поколение, а по той причине, что каждый облонец старше шестидесяти оборотов планеты должен иметь спутницу жизни, чтобы было кому положить его в капсулу после ухода в иной мир – ведь никто, кроме жены, просто не захочет этого делать!

Будучи автором, я дал задание, а мой компьютер, будучи талантливым исполнителем, придумал для моих героев такую эротику, которая не могла не привести к трагическому повороту сюжета. Оказывается (я бы сам до этого не додумался), на планете Облон дети рождаются из сгущения воздуха, а воздух сгущается в нужном месте только в том случае, если супружеская пара дуэтом читает ему же сочиненные тексты самого что ни на есть непристойного содержания. Вы ж понимаете, я не мог вставить в роман непристойные слова, даже если они сказаны были на языке, абсолютно непонятном земному читателю. Но натуралистическое описание того, как Паша и Хана становятся в позу (фантазируйте, фантазируйте!) и вопят натужными голосами тексты, которые у них самих (особенно у целомудренного Паши) вызывают острое неприятие, нам с компьютером удалось как нельзя лучше. Почитайте – убедитесь.

Итак, у Паши с Ханой родился сын Этя, которого моя героиня обожала, забыв о том, сколько непристойных слов сказано было в адрес еще не рожденного существа.

Прелюдия к трагедии начинается, когда на одном из балов Хана случайно знакомится с красивым кавалером Алеком Вроном. Офицер галактической гвардии! Мундир! Собственная лошадь, чего не каждый офицер мог себе позволить по причине высокой стоимости биогенетического конструирования. Хане это было ясно, а читателю пришлось объяснить, что лошадь на Облоне – искусственно синтезируемое животное, способное не только скакать галопом, но готовое и в космос со своим хозяином отправиться, поскольку у каждой лошади имелась в брюхе вживленная ракетная система. Дорогая игрушка, но у Алекса Врона она была, и Хана не могла не обратить на это своего женского внимания.

Это была не любовь. Это была страсть. Это был тайфун. Это был ураган, способный снести со своего пути каждого, кто сдуру решил бы указать нашим героям, что при живом муже закон Облона запрещает эротические вокальные контакты.

Хана и Алек так вопили, а тексты их эротических гимнов были так непотребны, что бедняга Паша Каренн просто не мог их не услышать. Сначала он не поверил собственным ушам: его любимая жена, мать его единственного сына? Да еще на балу! При всем честном народе!

– Дорогая, – сказал Паша жене, когда после окончания торжественного мероприятия они вернулись домой и разогревали себе на кухне напиток, который я назвал чаем только потому, что не сумел придумать другого названия для этой жидкой смеси, настоящей на испарениях вулканов Облона. – Дорогая, ты слишком громко пела с этим хлыщом Вроном. Я не могу этого допустить. Это ты прекрати. Тем более что у тебя нет ни слуха, ни голоса, в чем я успел убедиться за годы нашего супружества. Когда ты молчишь, то выглядишь восхитительно. Но стоит тебе раскрыть рот...

– Паша! – возмутилась Хана. – У нас сын! Как бы мы с тобой могли его создать, если бы у меня, как ты говоришь, не было ни слуха, ни голоса?

– Вот как! – раскричался обманутый супруг. – Я тебе запрещаю! Ты больше никогда не увидишь моего Этю!

– Нашего Этю!

– Моего! Или мы – или Врон!

Такая вот дилемма.

Паша Каренн удалился, воображая, что поставил супругу в безвыходное положение, ибо какая мать откажется от сына в пользу любовника? Но он плохо знал Хану! Кстати, автор в моем лице знал свою героиню не лучше. Я хотел описать бурную сцену между Ханой и Алем – слезы, стенания, в общем, все в лучших традициях любовных триллеров. А получился кошмар. Хана отправилась к Врону в его офицерское логово и сказала:

– У твоей лошади есть встроенный ракетоноситель? Давай улетим в космос. Я готова на эту жертву во имя нашей страсти.

Врон, надо сказать, был на такую жертву не готов. Офицер на хорошем счету, возможность повышения в чине и мечта о собственной гвардии... Страсть – это замечательно, но карьера...

Такая вот дилемма.

– Хана, – сказал Врон, – я готов ради тебя на все. Но завтра начнется экваториальный забег, и я на своей лошадке должен занять первое место. Приз – куча денег. Я стану богат, и тогда мы улетим...

Я бы на месте Ханы сразу понял, что любовник обманывает. Это был хороший способ скрыться за горизонтом событий, но Аннинушка, будучи женщиной необразованной, даже не знала, что в экваториальном забеге гонщики скачут до эргосферы черной дыры, расположенной неподалеку от Облона. Конечно, я мог бы предупредить свою героиню о коварстве вероломного Врона, но в литературных сочинениях я всегда придерживался принципа невмешательства.

Единственное, что я мог себе позволить в данной ситуации – столкнуть лошадь Врона с орбиты. Метеор был небольшим, но массы его оказалось достаточно, чтобы Алек свалился с лошади, ударился о край эргосферы черной дыры, получил восемнадцать переломов и сто тридцать четыре вывиха и потерял сознание, которого у него, впрочем, и прежде было немного.

Я бы на месте Врона умер сразу, и сюжет на этом закончился бы к радости бедняги Паши Каренна и его сына Эти. Но литературные герои почему-то обладают совершенно невероятной живучестью.

– Ах! – воскликнул переломанный в восемнадцати местах Алек Врон и упал в гравитационную дыру, заполучив еще один перелом.

– Ах! – воскликнула Хана Каренн и, не обращая внимания на призывы супруга, наблюдавшего за гонкой в телескоп из своего кабинета, бросилась к поверженному любовнику.

Большого оскорбления семейной чести придумать было невозможно. Я и не придумал – это все была чистая самодеятельность моей героини, настолько уже потерявшей рассудок, что никакая авторская воля не могла помешать Хане сделать то, чего не сделала бы ни одна здравомыслящая женщина Облона и ближайших рукавов Галактики.

Девятнадцать переломов заживали у Врона месяца два, а вывихи Алек долечивал в лучшей больнице планеты, и Хана находилась с ним неотступно, бросая вызов обществу, законам чести и собственному супругу. Тем временем возмущенный до глубины подсознания Паша Каренн продал дом, разогнал прислугу и уехал с сыном Этей в неизвестном автору направлении. Во всяком случае, ни в одном из своих последующих романов я этого типа не встречал.

И вот настала кульминация – Алек Врон здоров, лошади его вживили новый ракетоноситель, а Хана вспомнила наконец, что у нее есть супруг и ребенок. Она говорит любовнику: «Я на минутку, только туда и обратно» и отправляется домой, чтобы забрать любимую пудреницу в форме туманности Конская голова.

И что она видит? Дома нет, мужа нет, сына нет, пудреницы – и той след простыл.

Заламывая руки, вернулась Хана к Алеку, но не застала и его – негодник, естественно, воспользовался случаем и смылся на своей реставрированной лошадке в направлении, противоположном тому, куда отправился Паша Каренн. Поскольку оба направления остались автору неизвестны, то помочь своей героине найти хотя бы одного мужчину я не мог. Да и не собирался, честно говоря, поскольку роман нужно было заканчивать.

Полагаю, что финал очевиден. Жизненная катастрофа должна была обрести форму катастрофы природной или техногенной. Природная катастрофа меня не могла удовлетворить как автора. Метеорит падает на голову бедной Ханы – разве это эффектно? Разве это определялось логикой событий? Разве это могло быть результатом принятия ею решения уйти из ненавистной жизни?

– Туда, – говорит себе Хана, слыша грохот опускающегося звездолета, прибывшего с Земли. – Туда, где...

Впрочем, не стану повторять вам предсмертного монолога моей героини, прочитайте сами, это единственное место в романе, которое можно читать без содрогания, потому что знаешь: скоро конец, можно будет бросить, наконец, книгу в утилизатор и отправиться пить пиво в обществе более приятном, чем придуманные герои литературного произведения.

Царь и три его чада

Когда компьютер спросил меня, какую рекламу сделать в сети библиотек моему новому роману, я сказал, не задумавшись: «Объяви, что у каждого, прочитавшего «Царя Шекеля», начнется вторая жизнь, ибо первую читатель немедленно сбросит, как надоевшую кожу!»

Это была смелая реклама – на меня дважды подавали в галактический суд разгневанные читатели. Один, послушавшись моего призыва, действительно сбросил надоевшую кожу, которую потом пришлось наращивать, используя клонированные клетки. А другой утверждал, что Шекет обманул его, пообещав вторую жизнь, в то время как этот читатель (абориген планеты Римокран-4) проживал уже восьмую. Истец, понимаете ли, рассчитывал омолодиться, вернувшись на шесть жизней назад, а тут такой облом – оказывается, Шекет совершенно не имел в виду физическую жизнь тела!

Оба процесса я выиграл, так что пара недовольных читателей не смогла омрачить моего триумфа. Критика обошла «Царя Шекеля» молчанием, и я считаю это обстоятельство признанием гениальности моего творения. Критикам просто нечего было сказать!

Итак, главным героем романа я избрал царя Шекеля, владыку ста семнадцати галактик и одного сверхскопления, где можно было при желании обнаружить даже протухший от долгого употребления квазар. Есть во Вселенной владыки покруче, но и царь Шекель числился по разряду больших монархов. Беда в том (вот завязка сюжета!), что в разных эпохах своего владычества царь Шекель родил трех наследников. Родил, конечно, сам, поскольку принадлежал к цивилизации саморазмножающихся существ высшего морального типа. Вот на морали у него и случился бзик – царь решил как-то, что не имеет права отнимать у молодого поколения счастья отдавать приказы подданным и вершить суд. Недолго думая, царь Шекель объявил заседание Метагалактического совета – органа, никогда ничего никому не советовавшего по той простой причине, что состояло это собрание из клонов самого царя Шекеля, призванных лишь кивать головами в ответ на любое слово своего первоисточника.

Вызвал царь на совет наследников. Одного звали Генерал, другого – Рейган, а третий был Кордильером. И пусть вас не сбивают с толку мужские имена – цивилизация царя Шекеля понятия не имела, что мужчины должны вообще-то отличаться от женщин. Саморазмножающиеся расы проектируют детей по чертежам и выращивают в питательной среде, куда добавляют не только витамины, но и идеи абстрактного гуманизма. Последние, впрочем, усваиваются молодыми организмами из рук вон плохо.

Итак, прибыли Генерал, Рейган и Кордильер на совет отцовских клонов, и царь Шекель заявил, стоя с лазерной указкой над масштабированным четырехмерным изображением принадлежавших ему галактик:

– Дети мои! Что-то с мозгом моим стало! Мне говорят, что в моих владениях находятся восемьсот миллиардов четыреста миллионов двести семнадцать тысяч одиннадцать звезд главной последовательности, а я не могу различить ни одной – все эти огоньки на одно лицо, ну совсем, как вы и как мои клоны-советники. Подумав остатком моего угасающего сознания, я понял, что пора завязывать. Поэтому я сейчас завяжу все мои галактики в один спиральный узел и передам их в пользование тому из вас, кто лучше других признается мне в своей любви.

Тут-то и настал для детей царя Шекеля момент истины.

– Гм... – сказал Генерал, старшее чадо, сурово глядя на отца. – Конечно, я люблю тебя, гм...

– Как? – нетерпеливо воскликнул царь Шекель. – Как ты меня любишь?

– Как-как! – воскликнул Генерал. – Как баран любит новые ворота, как солдат любит вошь и как Ленин – буржуазию!

Эти слова подсказал Генералу встроенный в его мозг поисковый компьютер, который в тот момент был немного навеселе, поскольку в его схему просочился вирус «чернобыль».

– Сильно, – с уважением сказал царь Шекель и обратился ко второму чаду: – А что скажешь ты, Рейган?

– Я, – воскликнул Рейган, – люблю тебя, как робот любит смазку, как звезды любят водород и как планеты обожают законы Кеплера!

Сразу видно, что Рейган был существом ученым, не чета его старшему родственнику, ни уха, ни рыла не смыслившему в точных науках.

– Замечательно! – просиял царь Шекель и повернулся к своему младшенькому любимому чаду Кордильеру.

– Ну... – промямлил Кордильер. – Ты мне лучше объясни сначала, что такое любовь. А то я как-то не врубаюсь.

Можете себе представить! Чадо царя Шекеля, славившегося своей высокой моралью, не знало, что есть любовь! С другой стороны, я убежден, что большинство моих читателей тоже с этим чувством не знакомы, хотя наверняка утверждают обратное...

Представьте себе разумное высоко моральное существо, впавшее в бешенство. Зрелище не для слабонервных. Две галактики столкнулись, три взорвались безо всяких к тому причин, а протухший квазар неожиданно излучил такой яркий когерентный луч, что все клоны царя Шекеля ослепли и в дальнейших перипетиях сюжета участия не принимали.

Закончилось заседание печально для Кордильера, который не только не получил ни одной галактики из отцовского наследства, но даже комета, на борту которой он прибыл на заседание, была у него отобрана, и домой на планету Архидобрин-3 бедняга возвращался попутным транспортом, а все водители громко смеялись над его врожденным идиотизмом. Лично мне, как автору, кажется, однако, что смеявшиеся тоже не смогли бы ответить внятно на простой вопрос: что есть любовь?

Но вы ж понимаете: если народ чего-то не знает, то непременно сделает вид, что ему все прекрасно известно, а вот тот, кто спрашивает – действительно бездарь.

Разгневанный и удовлетворенный одновременно (разгневанный на Кордильера и удовлетворенный любовными признаниями Генерала и Рейгана), царь Шекель распустил совет, зафиксировал файлы о передаче наследства и вознамерился дожить оставшиеся ему миллионы лет в теплоте и неге на одной из планет Армиктобара. Туда он и явился на личной комете в сопровождении батальона укротителей пространства.

И тогда началось самое интересное. На планетах Армиктобара расположило свою столицу старшее чадо царя Шекеля.

– И что это значит? – спросил Генерал, хмуро глядя на висевшую над его головой комету, от которой отваливались огромные камни, падавшие на цветущие сады столицы.

– Я пришел к тебе навеки поселиться! – заявил царь Шекель. – Ведь тебе, самому любящему чаду, я отдал лучшие галактики моего царства!

– Отдал и расписался, – кивнул Генерал. – Я действительно люблю тебя, как солдат любит вошь, и потому либо ты немедленно убереешь с орбиты свою комету, либо я прикажу распылить ее из боевых лазеров. Кстати, Рейган тебя любит не меньше, чем я, а галактики у него более просторные.

– Я понял, – пробормотал царь Шекель, впервые в жизни подумав, что поступил не очень мудро, создав себе детей.

Он поднялся на голову своей кометы и сказал укротителям пространства:

– Здесь нам не обломилось. Но Рейган любит меня так, как роботы любят смазку, – он сам это сказал и не посмеет отказаться. Вперед, ребята, на Зрекупаторос!

К сведению читателей: Зрекупаторос – звездная система в галактике NGC 3883, где расположил свою столицу Рейган, среднее чадо царя Шекеля.

Думаете, Рейган встретил отца лучше, чем старшее дитя? Отцовскую комету он расстрелял прямой наводкой, так что на планету царь Шекель прибыл, оседлав большой обломок.

– Я к тебе пришел навеки поселиться... – произнес царь Шекель, но в голосе его не чувствовалось былой уверенности.

– Пожалуйста, – любезно сказал Рейган. – Поселяйся. Навеки. Только не здесь. Самим места мало.

– Но позволь! – взвизгнул оскорбленный царь. – А твоя любовь, неустрашимая, как законы Кеплера? Или это не твои слова?

– Мои, – согласился Рейган. – Вот и используй эти законы для того, чтобы рассчитать свою орбиту подальше от моей столицы.

– О времена, о нравы! – воскликнул царь Шекель.

– Нормальные времена, – сказал жестокосердный любящий Рейган. – Всегда так было: кого больше любим, того больше и мучаем. Природа такая.

Не прошло и часа, как царь Шекель оказался за пределами системы Зрекупатороса – без кометы, без укротителей пространства и без потерянного чувства собственного достоинства.

– Дети, – бормотал он, – цветы жизни...

О третьем своем чаде, Кордильере, несчастный царь и не думал вовсе – если Генерал с Рейганом, любя отца, оказались такими черствыми, то, что говорить о Кордильере, даже не зная смысла слова «любовь»?

Дочитав до этого места, читатель моего романа начинал, вероятно, воображать, что может предсказать финал. Ну конечно: Кордильер дает приют отцу, проклиная Генерала с Рейганом и доказывает своим поведением, что можно, даже не зная, что такое любовь, любить верно и преданно.

Если бы я написал такой финал, то считал бы себя никудышным романистом. В жизни так не бывает. Да, царь Шекель и Кордильер встретились на каком-то гнилом астероиде. Но любви между ними не было никогда – с чего бы ей взяться к концу романа? К тому же, пока царь странствовал от Генерала к Рейгану, Кордильер создал себе собственное чадо. Он знал теперь, что такое любовь, и объяснил отцу простыми словами:

– Любовь как вода. Может вода течь вверх? Нет, она всегда падает вниз. Любить можно детей, но никак не наоборот. А дети любят своих детей. Лично ты что сделал со своим отцом, царем Малькомбом?

– Я? – задумался царь Шекель. – Не помню... Кажется, я его утопил в квазаре.

– Жаль, – сказал Кордильер, – что в твоём бывшем царстве только один квазар. Придется воспользоваться звездой главной последовательности.

И воспользовался. Это – кульминация моего романа, она же его финал. Царь Шекель погружается в недра звезды, недостаточно горячей, чтобы мгновенно распылить его на атомы, но и не такой холодной, чтобы сохранить его никому не нужную жизнь. «Ох уж эти дети, – думает он своей последней мыслью. – Как они изобретательны!»

И последним в жизни движением царь Шекель приводит в действие единственное оставшееся у него сокровище: личный активатор звездной энергии. Звезда вспыхивает мгновенно и освещает всю галактику. Генерал, Рейган и Кордильер, неблагодарные дети бедняги-царя молча смотрят на удивительное зрелище, а читатель, добравшись до этого места, с удовлетворением говорит себе:

– Как хорошо, что я не царь, что мне нечего оставить своим деткам, кроме потрепанной «хонды-аэро», и что роман этот наконец заканчивается.

Вечерние сладости

Написав «Царя Шекеля», я решил было покончить с сочинительством. У меня и времени не оставалось заниматься литературой, поскольку я сдавал тогда экзамены за третий курс Оккультного университета на планете Камбикорн.

Вскоре после начала следующего семестра я познакомился с прекрасной Паскией, жительницей планеты Мида-3. Во время прогулки под метеоритным дождем, от которого мы прикрывались платиновым зонтиком, Паския рассказала душещипательную историю, поразившую мое воображение. История эта правдива, как «Краткий курс эволюции Вселенной», хотя я и считаю, что художественный вымысел гораздо интереснее жизненной правды. Но не в этом конкретном случае. Согласитесь – иногда даже в жизни случаются весьма поучительные истории.

Мидяне – не такая уж известная цивилизация, живут они, как я уже упоминал, на Миде-3, в системе, расположенной в самом конце четвертого галактического рукава, сразу за туманностью Ориона. Внешне мидяне похожи на людей. Мидячки выходят замуж за мидяков, а дети у них просто чудо.

Впрочем, это вряд ли привлекло бы мое внимание романиста. Но когда Паския рассказала, какая участь ожидает ее замечательное чадо в случае развода родителей, я в ужасе закрыл уши руками. Дело в том, что если, разлюбив друг друга, муж с женой собирались развестись, рожденные в браке дети подлежали немедленному и безоговорочному умерщвлению.

– Это почему же? – ужаснулся я. – Какое варварство!

– Шекет, – холодно возразила достойная Паския, – я же не комментирую ваш варварский обычай решать политические проблемы с помощью войн. Или это не массовое убийство себе подобных?

– Да, – смутился я, – но мы против этого боремся. Не исключено, что когда-нибудь войны вообще исчезнут...

– Тогда и будете критиковать наш древний замечательный обычай, – оборвала меня Паския и продолжила рассказ.

Детей убивали, и причина оказалась проста: чтобы выжить в холодном климате Миды, детям необходимо душевное тепло обоих родителей. Половинная порция приводила к медленному, но верному вырождению. С кем бы ни остался отпрыск после развода – с матерью или отцом, – он к двадцати годам превращался в тупое и жестокое создание, приносившее горе себе и окружающим.

– Наверное, мидяки и мидячки тысячу раз думают, прежде чем решаться на развод, не так ли? – осторожно спросил я.

– Семью скрепляет любовь, – твердо заявила Паския, сверля меня своим страстным взглядом. – Без любви развод неизбежен, это закон природы, зафиксированный в конституции.

– А дети...

– Что дети, если умирает любовь! Есть любовь – и дети будут, а нет – так какой смысл в детях? Вы согласны?

Я пожал плечами, но рассказ Паскии возбудил мою творческую фантазию. В ту же ночь, отказавшись от предложенных Паскией сексуальных утех, я уединился со своим компьютером и начал фантазировать роман, который назвал впоследствии «Мидия» по имени главной героини.

Сюжет прост. Жила на планете Мида-3 мидячка по имени Мидия, страстно любившая молодого героя, которого звали Озон. О, как она его любила! Ради него Мидия отправилась на планету Кавкузак-2, хотя терпеть не могла космических путешествий. Озон-то оказался на этой планете по служебной надобности: был послан с заданием добыть тонну чрезвычайно

важного для промышленности редкомидного металла, название которого Паския сообщить мне не решилась по причине секретности. По-моему, она просто была не в курсе дела, но я не стал уличать собеседницу в небольшом отклонении от истины.

Так вот, Мидия отправилась на Кавкузак-2 следом за Озоном и спасла своего любимого из лап безумного дракона Нурпатгота. Мог после этого храбрый Озон не влюбиться в Мидию? Брак мои герои заключили сразу после того, как вернулись с Кавкузака-2 на Миду-3. Жили они счастливо и родили в радости двух замечательных сыновей.

Вторая часть романа – по сути, начало истинного сюжета – начинается, когда на одном из правительственных приемов Озон, дослужившийся до заместителя главного канцеляря, знакомится с Дицей, гостьей с планеты Крин-4. Крин-4, чтоб вы знали, ничем не лучше Миды-3 – такая же галактическая дыра. Да и живут там существа, хотя и чрезвычайно разумные, но очень, на мой взгляд, непрезентабельные. Достаточно сказать, что тело у Дицы было жидким и приобретало любую форму, которую она могла себе пожелать. К тому же, жители Крина-4 умели читать мысли на всех языках Галактики. В общем, можете себе представить: скучающий на правительственном приеме Озон, думающий... О чем может думать скучающий мужчина, даже если дома его ждут любимая жена и два прекрасных сына? Конечно, Озон думал о женщинах! Дица восприняла эту мысль и немедленно обрела форму самой красивой женщины планеты – красивой, разумеется, в представлении Озона.

Тот повернул голову, увидел это чудо и... Любовь с первого взгляда. Пламя страсти. Взрыв вожделения. Мои герои и не думали скрывать своих отношений – собственно, на Миде-3 это не принято, а Дица, естественно, уважала обычаи планеты, на которой оказалась в качестве руководительницы торговой миссии. В тот же вечер Озон признался своей жене Мидии, что любит другую и, следовательно, развод неизбежен.

Вот тогда и началось самое главное. Дети. Семи и девяти лет от роду. Убить их надлежало наиболее гуманным способом – лишением сладкого после ужина, для детей на Миде-3 это верная, быстрая и безболезненная смерть.

– Я сделаю все сама, – сурово сказала несчастная Мидия, отпустив мужа с миром к его новой пассии.

Надо сказать, Дица уважала чужие обычаи, но все же не до такой степени, чтобы спокойно отнестись к предстоящей смерти невинных созданий.

– Я не могу этого допустить! – твердо заявила она Озону. – Ты должен забрать у Мидии детей, пока она с ними не расправилась.

– Но что мне с ними делать? – горестно воскликнул Озон и объяснил, чем грозит детям отсутствие тепла одного из родителей.

– И только-то? – удивилась Дица. – Возможно, у вас на Миде-3 это так, но у нас на Крине-4 климат гораздо приятнее, и нашего тепла хватит, чтобы обогреть любое количество детских душ. Забери у Мидии детей, и мы немедленно вылетим на мою родину.

В ту же ночь Озон проник в дом, где провел с Мидией десять замечательных лет, и выкрал спавших детей, да так ловко, что бывшая жена обнаружила пропажу лишь утром, когда пришла в детскую, чтобы прочитать вслух распоряжение суда о принудительном умерщвлении.

Ничто в природе не сравнится с криками разъяренной мидички!

– Негодай! – кричала Мидия так, что слышно было даже на борту рейсового звездолета, уносившего Озона, Дицу и двух детей прочь от Миды-3 к жарким пустыням Крина-4. – Ты нарушил закон! О бедные мои детки! О несчастные! Какую участь готовит вам ваш безжалостный отец! Я должна убить вас своими руками, и я сделаю это!

Не теряя ни минуты, Мидия заказала скоростной спецзвездолет и прибыла на Крин-4 даже раньше рейсовой колымаги, на которой летели Озон с Дицей. В столице Крина Мидия развила бурную деятельность и прежде всего разрушила до основания дом Дицы, чтобы молодые не имели возможности спрятать детей от матери. Мидию, естественно, арестовали –

ни на одной из планет Галактики не поощряется уничтожение чужой собственности! – и судья вручил ей предписание покинуть планету в течение одних календарных суток.

Пришлось Мидии сдержать ярость и в тихой гостинице дожидаться прибытия рейсового звездолета. Из космопорта Озон с Дицей отправились домой, и бедная Мидия видела, глядя в окно, как ее любимые сыновья веселились, обнимая отца и его новую жену, тоже, понятное дело, заслуживавшую смерти. Найдя свой дом разрушенным до основания, Дица не сказала ни слова упрека в адрес соперницы, и молодожены в сопровождении детей отправились ночевать к пригласившему их судебному приставу – тому самому, что незадолго до того вручил Мидии постановление о депортации.

Тогда и наступил последний акт этой ужасной трагедии. Понимая, что у нее в запасе всего один вечер и другого случая больше не представится, Мидия сбила все сладости, что продавались в магазинах кринской столицы, и уничтожила их в центральном городском крематории, где обычно сжигали за небольшую плату старую одежду и обувь.

Ничего не подозревавшие Дица с Озоном ублажали детей, как могли, а к вечеру отправили посыльного в ближайшую кондитерскую за традиционной коробкой сладкого шоколада.

Посыльный вернулся ни с чем и получил задание обойти все магазины, торговавшие сладостями. Когда и этот поход закончился безрезультатно, ужасное подозрение зародилось в душе Озона. До ужина оставался час, и если дети не получают необходимую порцию сладостей...

Истина открылась Озону и Дице, когда они узнали, что именно сожгла в городском крематории коварная Мидия.

– О горе мне! – воскликнул Озон. – О мои любимые дети!

– Горе нам обоим! – вторила Дица, понимавшая, что за оставшееся до трагической развязки время даже на скоростном самолете не удастся доставить порцию шоколада из соседнего города.

А Мидия стояла под окнами дома судебного пристава и громко смеялась. В полночь Озон вынес на руках безжизненные тела своих любимых чад, положил перед Мидией и проговорил:

– Безжалостная мать, достойна ты проклятья!

Мидия пожала плечами и ответила:

– Я всегда считала тебя слабаком, Озон. Если бы не я, тебя слопал бы на Кавказе злой дракон Нурпатгот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.